

Марина
СЕРОВА

Криминальный
оракул

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Криминальный оракул

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Криминальный оракул / М. С. Серова — «Эксмо»,
2023 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-181564-6

Новый остросюжетный детектив из серии о телохранителе Охотниковой не оставит равнодушными любителей необычных криминальных расследований. Опытный телохранитель Евгения Охотникова многое повидала за годы службы, но такого заказа у неё ещё не было. Её новый клиент связан с незаконной торговлей живописью и настоящей магией. В колдовство Евгения не верит, пока не сталкивается с ним сама. Впервые в жизни стальная леди хочет отказаться от сотрудничества и просто сбежать... Но не так-то просто сбежать от сильного экстрасенса, которого нужно защищать от окружающих – и от самого себя. Ведь Охотникова – из тех редких людей, кто не поддаётся гипнозу, и только ей под силу уберечь экстрасенса от опасности.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181564-6

© Серова М. С., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марина Серова

Криминальный оракул

© Серова М.С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

– Во-о-он тот, Евгения, седой господин... – громко прошептал Арцах Варданян, одними глазами показывая на музыкантов на сцене. – Нет, не контрабас. Пианино. Заметили?

– Ага. – Я отвечала, скрыв рот за бокалом. Очень не хотелось, чтобы седой пианист заметил наши перешептывания. С учетом того, что мой спутник (журналист старейшей тарасовской газеты) успел мне рассказать, – не хотелось вдвойне.

Опять же невежливо. Пришли на концерт джазовой музыки: редкая изысканная программа, виртуозы-музыканты. Надо воздать должное, а заодно посидеть спокойно в приятной обстановке, пока есть возможность.

Седой господин за пианино продолжал играть, время от времени обводя зал обманчиво-рассеянным взглядом. На пару секунд задержал взор на нашем столике. И я, и Арцах, не сговариваясь, подняли бокалы, приветствуя моего вероятного заказчика.

– Заметил, заметил. – Арцах подождал, пока пианист отвернулся, и только тогда, чуть быстрее, чем нужно, выпил свой бокал. Потом, который раз за вечер, поправил запонки на обоих рукавах.

Я, напротив, ощущала полное спокойствие. Малый зал Тарасовской консерватории: самая что ни на есть возвышенная обстановка, леди в бархате и драгоценностях (я в шелке, но это частности), джентльмены в костюмах, вино старше, чем моя тетушка Людмила... Отчего не насладиться?

Одно из первых правил, которому меня научила даже не телохранительская, а еще спецназовская бойцовская жизнь: цени моменты покоя. Обстоятельства меняются стремительно; поэтому, если имеешь возможность передохнуть – передохни, черт побери, и не парься.

Вот и я *не парилась*: поймала заинтересованный взгляд мужчины за два столика от нас (оставила без внимания, не мой типаж); подозвала жестом официанта, прося вновь наполнить бокалы; и, когда музыканты отыграли, негромко поаплодировала вместе со всеми. Слишком громкие аплодисменты здесь считались вульгарными.

Словом, я втянулась и наслаждалась концертом. Не особенно люблю все эти музыкальные мероприятия. Или просто не успеваю их полюбить, так как у меня нет времени их посещать. Но этот понравился.

А вот Арцах и сучал, и нервничал, стараясь, впрочем, этого не показывать.

– Боже, еще сорок минут сидеть... – простонал он, когда мы с ним в антракте вышли на царских размеров балкон (отдельная достопримечательность здания консерватории). Оба мы не курили, но захотелось подышать свежим воздухом.

– Не любите классику? – хмыкнула я. – А вчера-то соловьем разливались, уговаривали...

– Это дань уважения пианисту. – Арцах опасливо оглянулся. Будто мой будущий заказчик не в примерку к себе пошел, отдохнуть перед вторым отделением, а подслушивал прямо тут, за алым занавесом у балконной двери.

– Я с ваших слов поняла, что он сам заинтересован во встрече, – неприятно удивилась я. – А теперь, оказывается, мы перед ним должны выплясывать?

– Не мы, Евгения Максимовна, – уточнил Варданян. – а всего лишь я. Да и то – не выплясывать, а так, щелкнуть каблуками и почтительно склонить голову, когда он мимо проходить будет.

...Имя заказчика – Артур Лаврентьевич Соколов – Арцах сообщил мне при личной встрече два дня назад, в кофейне своей бабули (к слову, бывшей контрабандистки и по совместительству бухгалтера в центральном отделении полиции Тарасова).

Сообщил один раз, один раз повторил – и все. После, в телефонном разговоре, Варданян называл его «заказчик», а сегодня – «он» и «пианист». Так и хотелось предложить ему вариант,

как в «Гарри Поттере»: Тот-Кого-Нельзя-Называть. Ей-ей, такого маразма у меня даже при работе на мафиози не случалось.

– И что за трепет такой от простого пианиста? – весело осведомилась я. Вопрос был с подвохом, конечно: ведь Соколов был не только пианистом, и недооценивать его не стоило.

Но Арцах был напряжен несоответственно ситуации, на мой взгляд. Хотя всех дел ему было – представить меня господину Соколову после выступления, а дальше я сама. Чай, не девочка уже, с моим-то стажем телохранительским. Если не столкнемся, так это и не конец света будет. Седой пианист наймет еще кого-нибудь для охраны, не исключая, что и по моей рекомендации.

Варданын, отвернувшись, барабанил пальцами по каменному бортику балконного ограждения.

– Да ладно, – я пихнула его рукой в плечо, чтоб обернулся, – что, подгадили ему и не убрали?

– Тьфу на вас. Перед таким попробуй не уברי. – Он обернулся и улыбнулся, но как-то натянуто. – Я вам больше скажу, я и подгадить-то не успел. Готовил серию статей о его... подвигах, а он об этом узнал. И постарался объяснить мне всеми доступными средствами, что публиковать эти статьи *не стоит*.

– Вы же все равно опубликовали, – озадачилась я.

Арцах поджал губы, отчего вид у него стал суровый. Очень ему это шло, и мне снова стало чуть-чуть жаль, что мы остались только друзьями. Ну, что поделать.

– Да. Ему это *очень* не понравилось. Ему вообще не нравится, когда приходится с кем-то считаться.

Выражение лица у меня стало более чем скептическое. Арцах поспешил пояснить:

– То есть когда кто-то может серьезно испоганить ему всю малину, понимаете? И с этим кем-то приходится считаться. Вот я, например...

– Теперь ясно, – нахмурилась я. – Он не любит препятствия, которые нельзя убрать, так?

– Или нельзя, или о-о-чень трудно и рискованно. Пойдемте в зал?

Я продела свою руку Арцаху под локоть, чтобы вернуться на наши места совсем уж чинно-культурно. Когда еще выпадет случай поизображать из себя светскую даму из высшего общества!

Такую *бонтонность* соблюдали не все зрители: высокая, с широковатыми плечами женщина пронеслась мимо нас, придерживая подол длинного платья. Ступни из-под него виднелись тоже внушительные: размер сорок второй, если не сорок третий. Гренадерша!

– О, вот как раз одно, – тихо отметил Арцах, когда дама скрылась в дверях зала.

– Препятствие? – догадалась я. – Эта женщина?

– Ага. – Варданын оглянулся, удостоверившись, что никто не подслушивает. И добавил еще тише и серьезнее: – Имейте в виду, что это не женщина.

– Как это – не женщина? – шепотом воскликнула я и притормозила у лестницы, якобы поправить туфлю. – Она перед первым отделением в женский туалет зашла одновременно со мной!

И не только. Большеногая дамочка оказалась в соседней со мной кабинке, шумно возилась там, шепотом ругая «невозможное платье»; а потом очень вежливо, через стенку, осведомилась у меня – есть ли в моей кабинке туалетная бумага. Бумага была, и я незамедлительно ею поделилась.

Потом мы с этой дамой мыли руки в соседних раковинах, бок о бок. Она еще задержалась перед зеркалом, поправила помаду, взбила прическу попышнее... при всей ее комплекции в ней не было ничего мужского. Плавные, изящные женские движения, привычное и ловкое владение косметикой, покачивание бедрами при ходьбе и высоковатый голос. Да, ростом выше меня (а во мне полноценные метр восемьдесят). Но женщина же!

Или нет?

– Хотите сказать, – я оперлась одной рукой о плечо Варданяна и шипела ему на ухо: – что это мужик в платье?

– Именно это я и хочу сказать, – без улыбки подтвердил Арцах.

Н-да, вечер перестал быть томным. Не успела с клиентом познакомиться, как вон уже что *вскрылось*... Но кто предупрежден, тот вооружен: о вероятных затруднениях в работе лучше знать заранее. Тем более что сами заказчики далеко не всегда и не сразу обрисовывают мне полный расклад. А Арцах врать не станет.

Координатор у входа в зал поторопил нас, поэтому продолжить разговор мы не смогли. Но прямо у входа в зал я взглядом отыскала эту *не-даму*. И мне очень не понравилось, что она сидела на ряду позади нас, чуть сзади и справа. Слишком удобный обзор: так она (тьфу, то есть он, он) могла видеть и нас, и музыкантов.

– Этот в платье – он вас знает? – только и успела спросить я, задержав Арцаха у дверей, чтобы с ласковой улыбкой поправить ему галстук.

– Да, – кратко подтвердил Арцах, снова сгибая руку в локте, чтобы я оперлась. Он был ниже меня на десять сантиметров, так что, наверное, мы слегка привлекали внимание.

(Галантный армянский джентльмен и прекрасная леди из Владивостока, держим лица, не расслабляемся.)

Вот вернуться к прежнему спокойствию и дальше беззаботно наслаждаться концертом не получалось, хоть ты тресни. Внутренне я уже *подобралась*, как бывает со мной в потенциально небезопасной обстановке.

Телохранительский стаж, ага.

От третьей порции вина отказались и я, и Арцах.

Седой пианист Артур Лаврентьевич в моих глазах окончательно перестал быть уютным толстячком предпенсионного возраста. Спросить бы сейчас Арцаха Суреновича, отчего он вдруг согласился выступить посредником и дал Соколову мои рекомендации... но, пожалуй, это я выясню уже у самого Соколова. Варданян-то попросил меня об этой встрече в рамках «дружеской услуги». Клятвенно заверял, что «никаких обязательств, вы, разумеется, сами решите, братья за работу или нет», и что «за мной будет должок, хоть ночью разбудите – отдавать побегу».

В финале выступления артисты, все в черном, как на подбор, выстроились на поклон у края сцены. Медленно кланялись, устало улыбаясь друг другу и зрителям.

Рослая «дамочка» за нашими спинами во время оваций вскочила и, выкрикивая «Браво!», ринулась вперед, придерживая рукой внушительную корзину с цветами. Возле Соколова она оказалась akurat в тот момент, когда он согнулся в очередном поклоне. Оттого он едва не уткнулся лицом прямо в протянутые ему цветы.

Если бы я уже охраняла Артура Лаврентьевича, этому субъекту в платье пришлось бы вести себя более сдержанно. А так вышло даже забавно. Соколов, впрочем, цветы невозмутимо принял и так с ними и простоял, переживая овации: кланяться с этакой корзинницей и дальше было невозможно.

И спрятать в такой *бандуре с цветами* можно что угодно, невольно подметила я. Уж я бы ее проверила на предмет всякого *излишнего*. Бомбы, жучки-маячки, скрытые камеры, яд... Мало ли!

Но сейчас цветы не были моей проблемой, как и этот трансвестит. Может быть, и не станут.

...координатор – такой же пожилой и степенный, как музыканты, – не дал нам с Арцахом и шагу ступить от столика. Кашлянул, привлекая внимание, обратился ко мне:

– Артур Лаврентьевич просит вас пройти за кулисы.

Ага, щас. Много хочет.

Арцах нахмурился – похоже, не рассчитывал на такой поворот.

– И вас тоже, Арцах Суренович. – Координатор не дал моему спутнику и рта раскрыть для возражений.

Я, впрочем, тоже не успела возразить. Варданын шумно вдохнул и тихо попросил меня:

– Лучше пойдем.

Координатор был уже у дверей, явно торопя нас. Ишь ты.

– Кого ж это вы мне в подопечные сватаете? – прошипела я.

– Речь идет только о встрече. Не понравится – откажетесь, – напомнил Арцах.

– А этот господин, надеюсь, отказы принимает? Не придется разубеждать силовыми методами?

– Нет. Поверьте, он очень такое не любит.

Координатор, метрах в трех от нас, вел нас длинным *закулисным* коридором, а мы перешептывались, будто нашалившие дети.

Мелькнула внезапная мысль: хорошо, что тетушка Мила сейчас в санатории аж под Петрозаводском. Красоты Карелии, чистый воздух, сосны... и быть ей в этом раю – уф! – еще шесть недель.

– Да-да, войдите пожалуйста! – Голос у пианиста оказался мягкий. От обладателя такого не будешь ожидать жесткого напора. Но я была готова уже к чему угодно. Как и всегда: профессиональная привычка.

– Артур Лаврентьевич, вот, как вы просили... – Координатор кивнул на нас обоих, будто на доставленные под заказ деликатесы.

Вот тут у нас заливное из баранины, а это – лебединое суфле...

Тьфу ты, черт.

– Благодарю вас, Александр Владимирович, что привели. Больше ничего не требуется.

Координатор откланялся и вышел, и бровью не поведя на зверски развороченную корзину с цветами. Хотя ошметки зеленой губки (такую используют флористы), листья и лепестки усеивали диван и добрую часть пола. Сама корзина была пуста.

– Меры предосторожности, – кивнул Артур Лаврентьевич, заметив мой взгляд, – прошу простить за беспорядок.

Он успел снять концертный пиджак, и бабочку развязал, и нацепил круглые очки. Сделался чрезвычайно уютным и домашним на вид; *безобидный как зефирка*, как сказала бы моя тетушка.

Словом, никак не напоминал матерого взломщика и вора. Коим и являлся в придачу к утонченной профессии пианиста. Интересно, кем стал раньше – вором или музыкантом?

– Артур Лаврентьевич Соколов, пианист, – Евгения Максимовна Охотникова, телохранитель. – Арцах странным образом перестал быть и нервным, и напряженным. Видимо, самое неприятное уже свершилось. Или он просто не показывал слабость перед лицом врага, так сказать. – Евгения Максимовна Охотникова – Артур Лаврентьевич Соколов.

– Очень приятно, Евгения Максимовна. – Мой потенциальный клиент пожал мне руку. Уверенно и крепко, даже властно.

– Взаимно. – Мое рукопожатие было не слабее.

– Арцах Суренович? – Соколов протянул руку и ему. – Ну-ну, не хмурьтесь, где ваши манеры? Оставили дома, с почтенной Гаруник Арамовной? Как ее здоровье?

– Бабушка прекрасно себя чувствует, спасибо. – Арцах поморщился и поторопился вытащить руку из крепкой хватки Соколова.

Похоже, стычка между ним и Соколовым вышла слишком уж болезненной, раз он не считал нужным скрывать свою неприязнь.

– Простите, что не предлагаю сесть, как видите, некуда. Да и встреча – вот, хотел только познакомиться, взглянуть... – Соколов был почти одного роста со мной. Вблизи было особенно заметно, что взгляд у него отнюдь не мягкий, в отличие от голоса. И смотрел он прямо в глаза.

– Позвольте выразить восхищение. Вы настоящий виртуоз. – Я непринужденно улыбнулась. – Я получила незабываемое удовольствие от концерта. Очень рада, что Арцах Суренович привел меня послушать вас.

Зато улыбка у Соколова оказалась мягкая. Мягкая и понимающая, как у доброго дядюшки, заранее простившего все шалости малолетним племянникам.

В лице нас с Варданяном.

– Позвольте вернуть вам комплимент, Евгения Максимовна, – ответил Соколов. – Первый раз вижу, чтобы стилеты так ловко спрятали в носках туфель и в поясе платья. Едва усмотрел.

– Ого. – Я лишь брови вскинула в изумлении. – Меткий у вас взгляд.

– Опыт, опыт... – Соколов потер ладони, переводя взгляд с меня на Варданяна и обратно. – Однако час поздний, а задерживать вас было бы невежливо. Вот...

Он протянул мне визитку – очень дорогую на вид, цвета слоновой кости. Я достала из сумочки свою. Озаботилась когда-то сто лет назад для одного дела. Вот и пригодилась.

Арцах терпеливо переждал эти игрища великосветской вежливости; я кожей чувствовала, насколько ему неуютно.

Вероятно, не только я.

– Завтра в Тарасовском художественном музее открывается выставка под названием «Анонимный даритель», – игнорируя Варданяна, произнес Артур Лаврентьевич. – Как вы смотрите на то, чтобы встретиться завтра на открытии, в полдень? Скажем, у билетных касс? Чтобы я мог подробнее ввести вас в курс дела?

– В полдень мне вполне удобно, – завершила я.

Черт, придется встать пораньше; а я, типичная сова, не люблю этого.

– Если возникнут осложнения или непредвиденные обстоятельства, я непременно уведомлю вас заранее, Евгения Максимовна. – Соколов явно обрадовался моему согласию.

– Но не раньше девяти тридцати, пожалуйста, – с очаровательной улыбкой попросила я.

– О, разумеется. И вы, в случае чего, обязательно предупредите, если не сможете.

– Разумеется. – В тон ему ответила я. От всех этих *куртуазностей* у меня заныла челюсть. Вот Арцах не утруждался...

Да, чрезмерно благовоспитанные заказчики – это мое отдельное проклятие. Особенно если у меня пока нет возможности сокращать их *расшаркивания* до состояния короткой деловой беседы.

Помню, как-то раз меня нанимали *телохранительствовать* к пожилой бабуле, самой настоящей аристократке с соответствующими манерами. Было это в начале моей карьеры, и возможностей качать права у меня было меньше. Так что на том *собеседовании* мне пришлось выдержать двухчасовое чаепитие с тремя сменами блюд. Включая ломтики огурца, завернутые в лаваш – то был легендарный сэндвич с огурцом.

В моем деле, как по мне, чем конкретнее и честнее, тем лучше. Вежливо, но без всех этих словесных кружавчиков. В них заблудиться можно быстрее, чем в южноамериканских джунглях (бывала, могу сравнивать).

– Евгения Максимовна, было очень приятно с вами познакомиться. – Снова рукопожатие, не слабее первого. Рука у Соколова была трудовая, шершавая, кое-где мозолистая. И одновременно какая-то ухоженно-чувствительная, как хороший инструмент... для взлома, к примеру.

– Взаимно, Артур Лаврентьевич.

– Арцах Суренович, благодарю, что познакомили.

– Надеюсь, у вас все сложится. – Лицо Арцаха говорило об обратном, и руку он пожал неохотно; хотя и не пытался на сей раз первым прервать рукопожатие.

– ... всю душу вынул! – Варданян произнес это уже в гардеробной, в полуподвале консерватории. Между нами и гримеркой Соколова было два этажа. – Позвольте?

Это он подал мне пальто.

– Арцах, ну хоть вы-то сегодня будьте по-простому, – взмолилась я.

– Хорошо, – хмыкнул он, – назад нагнитесь, я вам *польты* ваши на плечи *вздену*, да и двинем отсюда к такой-то матери!

Молоденькая гардеробщица посмотрела на Варданяна неодобрительно. Очевидно, до ее уровня культурного человека он не дотянул.

На улице противно моросило: январь в этом году выдался влажный и теплый. Декабрь был ему под стать. Так что граждане Тарасова зимнюю одежду из шкафов даже и не вынимали. Куда там, по такой парной сырости – еще перепреешь и простудишься.

От консерватории мы дошли до небольшой чайной, оформленной в восточном стиле.

– По-моему, для первого раза довольно неплохо, – осторожно заметила я, когда официантка принесла зеленый чай и рисовое печенье и оставила нас одних. – Смотрю, человек он очень вежливый; но, чуется мне, и впрямь опасный.

– Причем, Евгения, заметьте: совсем на опасного не похож.

– Такое уметь надо. Опытный товарищ, – согласилась я, надкусывая печенье.

– Вас-то тоже не заподозришь, – хмыкнул он. И, наклонившись вперед, спросил с мальчишеским любопытством: – Что, правда ножи в платье?

– Истинная правда.

– Не то чтобы я удивлен. А вы хорошо держались.

– Вы тоже, – подбодрила я. – Между прочим, делать кислую физию при таком человеке – это сильно. С вами он считается?

– Да. – Арцаха напоминание о встрече заставило поморщиться. – У меня ведь папа прокурор...

– ...мама адвокат, – подхватила я, – и не забудьте мафиозную бабушку!

– И сам я, смею надеяться, не последний человек, – посмеялся Арцах, отпивая чай из бамбукового стакана. – Так что могу позволить себе немножко-о-ожечко недовольства.

Он досмеялся. Смерил меня взглядом, помялся, похмурился...

– Что? – подтолкнула я. Давай, Варданян, говори, чего там у тебя на душе. Чую ж, что неспокоен.

– Серьезно, если вам не понравится его предложение... Отказывайтесь, а то и к черту шлите! Вы можете себе это позволить! – выпалил Арцах.

– Почему вы так уверены, что мне обязательно не понравится его предложение, и я откажусь? – Я посмотрела на него, матерого журналиста, стреляного воробья. Выдержала паузу. – Или вы *хотите*, чтобы мне не понравилось его предложение?

– Ну уж от вас ничего не скроешь, – проворчал Варданян.

– Вы просто слишком громко думаете. – Я пыталась одновременно приободрить его и вызнать, что же его так беспокоит. – Серьезно, если вы что-то знаете или подозреваете – карты на стол! Знание – сила, а?

– Вас не напрягло, что корзина цветов была так, м-м-м-м... *раздербанена* на все лады? – Арцах взял печеньюшку, но сжал слишком сильно и уронил опметки в стакан.

– Я бы тоже ее хорошенько проверила, – пожала я плечами. – Если Соколо...

– Называйте его – пианист! – напомнил Арцах.

– Ладно, ладно. Если пианист знает, что ему может грозить опасность, а тут ему преподносят такую большую вещь... Я бы проверила. В цветах много что можно спрятать. У меня

как-то был случай, охраняла оперную диву. Так ей в цветах змею спрятали! Правда, недовольно: то ли ужа, то ли полоза. Но перепугалась она страшно.

– А вы не заметили, – прищурился Варданян, – что другие цветы в своей примерке он так не раздиргивал?

– Не обратила внимания, – с досадой признала я.

– А это значит что? – Он глядел на меня, как учитель на отличницу, привычно ожидая, что я отвечу правильно.

Теперь уже я замялась. Примерила себя на место Соколова...

– Он знал эту, кхм, *женщину* и ожидал от нее подвоха? – Я назвала менее вероятный вариант из двух. Я-то подозревала, что лишь размер корзины и вызвал подозрение. Остальные-то цветы были в виде худосочных букетиков в прозрачных обертках. В таких и пластик толком не спрячешь. Хотя если о-о-о-очень постараться...

– Я вам больше скажу, Женя! – азартно вскинулся Арцах, в запале тыча в меня указательным пальцем. – Пианист знал, что это не женщина! И знает этого человека, о-ох-х-х, он очень хорошо его знает!

Я отвела его руку в сторону. Узбечка-официантка, одетая «под японку», в простенькое кимоно с цветастым поясом, опасливо поглядывала на нас от дверей.

– Желаете еще чаю? – пропищала она, выдавив улыбку.

Бедная девочка, поздний час, а тут двое взрослых с каким-то странным разговором.

– Да, будьте так добры. Зеленый, без сахара. – Я успокаивающе улыбнулась ей. Мол, не волнуйся: если дядя сойдет с ума, тетя большая и сильная, тетя его скрутит.

Едва официантка ушла, Арцах на всякий случай выглянул в коридор. Вернулся за столик, сел, подгибая ноги (мы сидели на подушках, за низким столиком – не очень-то удобно, прямо скажем; сидишь на собственных пятках).

Затем ручкой быстро написал на салфетке одно слово, передал салфетку мне.

Я прочла и присвистнула.

– Вот-вот. – Салфетка была порвана в клочки, клочки отправились во внутренний карман пиджака. – Если не ошибаюсь, эта же организация курировала некоторые операции «Сигмы», в которой вы служили?

– Парочку-троечку. Таких, знаете, самых ядерных, – подтвердила я без особой конкретики. – Так он оттуда, этот мужик в платье?

– Да.

– Теперь ясно, почему он так мастерски загримирован и одет. От бабы натурально не отличишь, – обескураженно признала я. – Если, конечно, под юбку не заглядывать.

– Этот... тип перевоплощаться умеет. Хоть у меня глаз на переодетых и наметанный, но вот с ним – я просто отваливаю подальше, не пытаюсь угадать.

– И как вы определяете, когда надо отваливать подальше? – поинтересовалась я.

– Если где появляется пианист, значит, и этот... агент неподалеку. Просто десять из десяти. Ему, агенту, лет не меньше, чем пианисту. Пианиста поймать он пытается уже о-о-очень долго. И, поверьте, между ними лучше не встречать. Я-то встрял, когда статьи готовил. Сунул нос, куда не надо. Вы, Евгения, на допросе с пристрастием когда-нибудь были?

– Только допрашивать доводилось, – буркнула я.

Мне стало противно от услышанного. Вспомнился вежливый женский голос за стенкой кабинки, худые длинные пальцы с изысканным маникюром. Эти пальцы дотронулись до моей руки, когда я передавала женщине из соседней кабинки несколько кусков туалетной бумаги. И все это время это был мужчина.

Жутковато становится, когда внешность *настолько обманчива*. Я и сама умею менять облик, когда требует работа. Но тут была видна работа пугающе мастерская.

– А я на допрос попал вот к этому агенту. Один раз. Отпустил он меня только после того, как понял, что с меня и впрямь нечего взять. Даже разрешил опубликовать статьи. – Варданян скривился, будто лимон надкусил. – Ощущение осталось, будто у тебя во внутренностях пьяный патологоанатом поковырялся. Вот прямо пальцами.

– Короче, где один, там и второй, – подытожила я.

Подошла официантка со свежей порцией чая. Едва она скрылась, Арцах наклонился вперед и категорично произнес:

– Если пианист предложит вам охранять его самого – не соглашайтесь. Если кого другого – сами взвешивайте и решайте. Но лично Соколова – ни-за-что!

Он выпрямился и в несколько глотков опорожнил почти весь стакан.

Мне захотелось предложить выпить ему не чаю, а водки – я видела в меню sake. Но вслух я произнесла другое:

– Странно, что именно вас он попросил меня рекомендовать. У такого человека могут быть связи и пошире. У нас вполне могли бы найтись общие знакомые.

– А чего далеко ходить? – угрюмо усмехнулся Арцах. – Вы знаете меня, я знаю вас, я знаю его. Иногда чем проще, тем лучше. К тому же ему был нужен человек из Тарасова, здесь у него связей нет. Он здесь в первый раз; и лично я не стану спрашивать, какого черта ему понадобилось в нашей чудесной глухомани.

– Ну уж и в глухомани... – рассеянно отозвалась я. Ответ Арцаха показался мне каким-то мутным, недосказанным. Все-таки не походил мой знакомец из журналистских кругов на человека, на которого так просто можно надавить.

– Желаете что-нибудь еще?

На сей раз к нам подошла не миниатюрная узбечка в кимоно, которая приносила нам чай первые два раза. Этот долговязый мужик вообще не походил на официанта. Болезненно худой, будто иссушенный болезнью или голодовкой, вдобавок возрастной – лет пятьдесят, если не больше. Лицо с острыми чертами, щедро покрытое веснушками, доверия не внушало. Круглые черные глаза – как сверла, рот сжат в линию, а встрепанные короткие каштановые волосы придавали официанту вид городского сумасшедшего. Положение не спасали ни фартук, ни блокнот с предупредительно занесенным над ним карандашом. Карандаш в руках этого типа прежде всего напомнил заточенную деревяшку, которой можно запросто проткнуть чей-нибудь глаз.

Этот мужчина навис над нами, как пожарная каланча над одноэтажными домишками. Подавлял ростом, шерился во все зубы и разглядывал нас цепко, в упор.

В довершение всего он и в помещение проник чудовищно бесшумно, заставив меня и Арцаха вздрогнуть от неожиданности.

А это дурной знак.

Я перевела взгляд на его ступни в носках.

Большие. Не то сорок второй размер, не то сорок третий.

– Здравствуйте, Антон Владиславович – мрачно произнес Варданян. – Чайку?

Да, он застал нас врасплох. Если ожидаешь нападения, лучше не сидеть. Лишние секунды, которые тратишь на подъем, решают дело в пользу противника. Да и отбиваться труднее.

Мы же с Варданяном сидели на полу – все равно что лежали.

– Да, пожалуй. – «Официант» не прикоснулся к стаканам. Проверил заварочный чайник, поднял его, наклонил, не касаясь носика чайника ртом. Струя зеленого чая полилась ему в рот.

Потом он вернул чайник на место. И, подогнув ноги, уселся за столик рядом с нами. Не спрашивая разрешения.

– Вы к нему заходили?

Что я там говорила про конкретику в разговоре? Этот человек был антиподом Соколова: перешел сразу к делу. Вежливость? Какая еще вежливость?

– Арцах Суренович, вы нас не представите? – вклинилась я. – Очень интересно, что за Антон Владиславович к нам подсел.

– Антон Владиславович Маков. – «Официант» вспомнил про хорошие манеры.

Руки он не протянул, но хотя бы посмотрел в лицо, когда представился. Н-да, производить приятное впечатление – не его конек.

– Евгения Максимовна Охотникова. – Я руки тоже не подала. – Телохранитель.

Маков молча протянул служебное удостоверение. Внушительные увесистые корочки скрывали не менее увесистое и внушительное название организации. Я тщательно изучила удостоверение, чувствуя на себе сверлящий взгляд Макова. Самого Макова сверлил взглядом Варданян.

– Я знаю, что Соколов Артур Лаврентьевич позвал вас в свою гримерку для личной встречи, – с места в карьер продолжил агент. – Вы к нему заходили, не так ли?

– Допустим, – осторожно протянул Варданян.

– Я не вас спрашиваю.

– Если это допрос, вызывайте в участок, повесткой, – припечатал Арцах. – Официально.

– Снаружи отряд. – Маков перевел взгляд с меня на Арцаха и обратно. Совсем как Соколов сегодня после концерта. И смешно он в своем костюме не выглядел. Скорее – да, пугающе. Как человек, у которого не все в порядке с головой. – Восемь человек, вооруженные. По первому моему слову вас заберут по подозрению в соучастии.

– А что, этот ваш Артур Лаврентьевич уже что-то совершил? Здесь, в Тарасове? – с наивным видом спросила я. – Или нас заберут так, за компанию? За то, что рядом постояли, подышали одним воздухом?

Я говорила, одновременно машинально прикидывая – куда бить, если придется: в нос или в горло. Хорошо бы не пришлось, но обстановка в комнате образовалась очень нехорошая, напряженная. Руки невольно так и чесались.

Разрядил обстановку Арцах. Протянул руку, осторожно погладив меня по ладони (жест, у него лично не несущий ни малейшего сексуального подтекста). Пожал плечами и, сжевав печеньюшку, проговорил:

– Можно в общем-то и сказать. Ничего такого. Вы, Антон Владиславович, знаете, что я с Соколовым знаком. Я его музыку очень люблю и повел Евгению Максимовну на его концерт. И так совпало, что в последнее время Артур Лаврентьевич беспокоится за свою жизнь – уж не знаю, насколько обоснованно. Во всяком случае, корзину с *вашими цветами* он перерыл вдоль и поперек. Я не ошибся, это вы ему цветы после концерта подтащили?

Если бы взглядом можно было убивать, Маков уже оставил бы от Варданяна свеженький труп.

Я ухватила нить разговора.

– Мы с Арцахом зашли после концерта – выразить свое восхищение. Мне лично очень понравилось! – вдохновенно продолжила я. – Мы увидели развороченную корзину, стали выяснять... Слово за слово – и да, выяснилось, что этому *замечательному пианисту* требуется охрана. А я – телохранитель высшего уровня, мне внучку президента доверить можно!

Спокойная, уверенная улыбка, вот так. И сразу стало легче дышать! Все ковбои в этой комнате убрали руки от рукояток револьверов в кобурах.

– Во всяком случае, – добавила я, продолжая улыбаться, – от мэра нашего города отзывы о моей работе самые положительные. Можете сами спросить.

– Вы согласились? – отрывисто уточнил Маков, так и впиваясь в меня взглядом. – Охранять его – вы согласились?

– Мы пока не успели подробно обсудить условия. Я не уверена.

Арцах, в отличие от меня, не улыбался, но выглядел куда менее напряженным, чем за пять минут до этого.

На, подавись, секретный агент Маков. Ни капли лжи, но и ничего полезного. Доволен?

Секретный агент Маков ничего не сказал. Нарочно медленно сунул руку в карман фартука, вытащил визитку и положил на стол. Понимал, что из рук у него визитку не возьмут. Даже придвигать не стал к кому-то из нас. Просто положил на стол, рядом с чайником.

– Если вы станете охранять Соколова, – ровно и без угрозы произнес он, обращаясь ко мне, – вам лучше известить меня.

– Я подумаю. Звонок, надеюсь, бесплатный? – Теперь я не улыбалась.

– За наш счет, – заверил Маков. Так же медленно поднялся (скорее чтобы не волновать нас, чем из-за возраста) и покинул комнату.

Спустя минуту за внешней стеной чайной послышался шум отъезжающих машин. По звукам я бы предположила пару единиц тяжелой техники, но выглядывать в окно и уточнять не хотелось.

Вечер был изгажен окончательно.

– Вы правы, – через силу выговорила я. – Ощущение, будто в потроха грязными руками залезли. Или в мозги.

– Да, он, как видите, приятнейший человек. – Арцах поболтал в стакане остатки чая, но допивать не стал. – Он очень быстро показал вам свое настоящее лицо. Это и хорошо, и плохо.

– Отчего же плохо? Я предпочитаю знать противника в лицо. – Я вызвала официантку, чтобы нас рассчитали. На сей раз явилась та узбечка в кимоно. Она выглядела напуганной; за насыпанные сверх счета щедрые чаевые поблагодарила, но нервно.

Чувствовалось, как ей хочется, чтобы мы поскорее отсюда убралась. Ни я, ни Варданян не заставили ее ждать.

Машина Арцаха была в ремонте, и я согласилась подбросить его до дома.

– Так почему плохо-то? – напомнила я, едва он устроился на переднем сиденье и пристегнул ремень.

– Исходя из того, что я знаю про этого типа...

– Только покороче.

– Постараюсь. Знаете же, что хищники, выслеживая добычу, могут прятаться до последнего, чтобы не спугнуть?

– Ага. – Мы встали перед светофором. Красный.

– И если хищник являет себя перед жертвой, то только затем, чтобы напасть и сожрать. У льва нет никакой другой причины показываться на глаза антилопе.

– То есть мы с вами антилопы? – проворчала я. В вечерний поток машин с боковой дороги медленно вписывался небольшой грузовик.

– Да нет же! Ну, как бы это сказать...

– Как можно проще, Арцах Суренович, как можно проще и яснее. У меня уже голова кругом от этих шпионских игр с переодеванием.

– В общем, если Маков показал свое *настоящее* лицо, то все, кирдык. Он его показывает только тогда, когда полностью владеет ситуацией. Когда знает все, что ему нужно. И знает, что сможет надавить. В противном случае он бы маскировался до последнего, выжидал бы и наблюдал.

От слов Варданяна стало еще гаже. Хотя казалось бы – куда еще.

– Лично за мной он следил месяц, прежде чем вызвал на допрос. Не маскировался разве что под ребенка, и это я еще не все его личины опознал. Под конец я его все же засек, но тогда он прислал кавалерию, и меня *загребли*. Вот и сегодня – видели? Он даже не скрывался! На кой притворяться официантом, когда я его морду лица знаю?

– Разве что затем, чтобы продемонстрировать свою вездесущность, – предположила я. – *И вездесучность*.

Арцах угрюмо хмыкнул.

Мы помолчали, затем я возобновила разговор:

– И это всего лишь потому, что вы готовили статьи про Соколова. *Разоблачительные*. – Грузовик наконец вписался, и мой «Фольксваген» двинулся побыстрее. – Что-то тут не сходится. Простите за мой французский... но на кой хрен вам контактировать с Соколовым, если вы за это рискуете отхватить от человека из *такой* организации? Или вам в свои сорок два года адреналина захотелось?

– Маков очень хочет посадить Соколова за решетку. Четыре года назад ему это почти удалось. Дело происходило в одном крупном городе, Соколова поймали с поличным. Поймал сам Маков. Лично. – Варданян, похоже, наплевал на собственное нежелание произносить имя моего возможного заказчика. – Отцу тогда довелось представлять сторону обвинения. И – не спрашивайте как, но Соколов с ним договорился.

Я глянула на лицо Варданяна и сразу перевела взгляд обратно на дорогу. На человека в моменты такой эмоциональной муки лучше не смотреть. Похоже, ему было просто стыдно таким делиться.

– И отец проиграл процесс. Соколова отпустили, Маков взбесился и надавил на отца. Запахло жареным. И тут в игру снова вступил Соколов. Не знаю уж, что он сделал, но отец вышел сухим из воды. Представляете, какое унижение, какой урон для репутации Макова?

Поток машин снова встал из-за светофора. Я воспользовалась моментом и сочувственно похлопала Арцаха по плечу.

– Это жость, – только и ответила я. – Небось у вашего бати должок перед Артуром Лаврентьевичем.

– Да, во-от такой. – Арцах развел руки в стороны. – А то, что он заинтересовался вами... не вижу ничего удивительного. Соколов профессионал высшего уровня и работать предпочитает с такими же. Меня припрягли сугубо для подстраховки. Вы же предпочитаете рекомендации от проверенных людей, а мы с вами когда-то работали вместе.

– Подставились ради батьки? – посочувствовала я.

– Вот только не надо меня жалеть.

– Упаси боже, и не собиралась. Все мы чем-то жертвуем.

Н-да, не повезло мужику.

Я бы на его месте оставила папочку самого разбираться со своим долгом перед этим *не только пианистом*. Но у Варданяна со своим отцом отношения были куда лучше, чем у меня с обоими родителями, вместе взятыми. Начать с того, что у него вообще были эти отношения как таковые. Я же после службы в спецотряде «Сигма» до сих пор не возобновила былые семейные узы.

Как я уже говорила, все мы чем-то жертвуем.

Трудный участок дороги остался позади, остаток пути прошел быстро – и в полном молчании.

Арцах так же молча выбрался из машины. Но затем – видимо, не давало ему это покоя, не давало, – заглянул в салон и уточнил:

– Все-таки пойдете? Завтра, на встречу в музей?

– Пойду, – просто ответила я. – И выслушаю. Если придется отказывать, я предпочту сделать это лично.

Арцах только пожал плечами. Мы попрощались, и я поехала домой.

А что тут можно еще было сказать? Да, сегодня я узнала много занятного. Но первая встреча с вероятным клиентом состоялась, была назначена вторая.

В принятии решения я ориентируюсь на собственные впечатления и суждения, а не только на слова других людей, пусть и заслуживающих доверия. В Соколове я пока не увидела человека, нуждающегося в охране, обеспокоенного своей безопасностью. Пусть и сказала обратное агенту Макову.

Мне нужна была ясная картина.

...Тарасовский художественный музей – не самый знаменитый в стране. Долгое время он был привлекателен для туристов только как «местный». В нем были представлены картины тарасовских художников и художников из близлежащих городов и поселков, предметы быта, украшения.

Все изменилось, когда лет восемь назад в дар музею была передана частная коллекция одной тарасовчанки. История у нее – и у коллекции, и у пожилой дамы – была какая-то мутная, интригующая. Кажется, что-то там было связано с Францией.

Но история осталась в прошлом, а коллекция украсила музей. Статуэтки, вазы, картины... Главной приманкой для туристов стала картина кисти самого Пабло Пикассо. На ней был изображен тореадор, готовый вонзить клинок в тело быка. Производила картина довольно жуткое впечатление; но публика во все времена рада пугаться, если только речь не об экономическом кризисе. Иначе триллеры Хичкока не были бы так популярны.

Так что «Тореадор» Пикассо регулярно собирал толпу. И был одним из ключевых экспонатов сегодняшней выставки. Ибо имя дамы, ранее владевшей коллекцией, публике не открыли.

Я пришла заранее, без пятнадцати двенадцать.

Выставка являлась бесплатной, потому народу в музее хватало. А что, удобно: у кассы не засветишься, и в толпе затеряться можно. Пришлось подождать несколько минут, прежде чем я смогла сдать пальто в гардеробную. И пройдя к сувенирному магазину (там было посвободнее, и кассы просматривались), сразу же увидела Соколова.

Мне было хорошо видно его сквозь стеклянную витрину. Он стоял внутри, уткнувшись в один из путеводителей у книжного стеллажа: получилась такая реклама чтения для современной молодежи. Время до встречи еще было; и я воспользовалась им, чтобы немного понаблюдать за Артуром Лаврентьевичем.

Он был похож на библиотекаря, учителя, архивиста – только не на вора произведений искусства. Мало того: на вора, который мастерски ускользал от правосудия в лице малоприятного агента Макова. Я поймала себя на мысли, что посмотрела бы на их перепалку. Небось, воспитанный Соколов колобком от Макова укатывался бы...

Я не успела дофантазировать финал поединка: Соколов бросил взгляд на наручные часы, вернул книгу на полку и вышел.

Без одной минуты двенадцать.

– Здравствуйте, Артур Лаврентьевич, – негромко поздоровалась я, подойдя навстречу к нему.

Он ничуть не удивился.

– Евгения Максимовна! Здравствуйте! Вы очень вовремя, пойдемте. Отведу вас к своей любимой картине. Не возражаете?

– Против картины – нет, – улыбнулась я. Кивнула на его правый локоть, оттопыренный явно в ожидании, что я сейчас окажу честь и обопрусь: – А с этим не утруждайтесь. Я сейчас не дама, а ваш возможный телохранитель. А вы – мой возможный клиент. Ну, ведите к вашей картине.

Соколов только вздохнул, покачав головой, поправил очки.

Любопытный факт, по неизвестной причине не попавший ни в одну из статей Арцаха. Артур Соколов был вором, специализировался на предметах искусства – это да. Но имел необычное предпочтение: грабил лишь частные коллекции. Особо любил предметы искусства, считавшиеся пропавшими. Либо такие, которые владельцы, приобретя, прятали подальше от глаз зрителей.

Арцах предполагал, что это от большого тщеславия: частные коллекции охраняются зверски тщательно.

Любопытный факт номер два: Соколов никогда не оставлял добычу себе. Отправлял в музеи – разумеется, анонимно.

То есть как – анонимно. Мастерски подделывал дарственную от имени ограбленного владельца. В результате, когда владелец заявлял права на свою собственность, разгоралась та еще бюрократическая волокита. Впрочем, некоторые жертвы ограблений молчали в платочек – это в тех случаях, если предмет искусства был приобретен незаконно.

Этот второй факт в статьях тоже не был упомянут – уже из-за вмешательства Антона Макова. Агенту, ведущему охоту на виртуозного вора, совершенно незачем, чтобы вора прославили как этакого Робин Гуда от мира искусства.

Искусство принадлежит народу, и все такое.

– Знаете, а это довольно остроумно с вашей стороны, Артур Лаврентьевич, – заметила я, когда мы поднимались на третий этаж, к длинной галерее.

– Что именно? – Он повернулся, заинтригованный.

– Место встречи. Вы ведь тоже *анонимный даритель*, если меня правильно проинформировали.

Брови Соколова взметнулись в удивлении и вернулись на место. Он тихо и коротко рассмеялся.

– Если информировал Арцах Суренович, то все верно. Славный парнишка...

– Да, только с отцом не повезло, – добродушно, в тон Соколову, откликнулась я.

По лицу Артура Лаврентьевича скользнула тень, он на секунду нахмурился. Но только на секунду.

Мы остановились в начале галереи.

...картина оказалась небольшой и довольно мрачной. Изображалась там склонившаяся над блюдом с водой женщина. Она пристально вглядывалась в поверхность воды. Напряженные руки со скрюченными пальцами лежали на столе, по обе стороны от блюда. На столе горела одинокая свеча, отчего тени за спиной женщины казались особенно угрожающими.

Я несколько секунд разглядывала картину, затем перевела взгляд на Артура Лаврентьевича. Тот уделил картине чуть больше времени.

Я выжидала.

– Неизвестный художник, круг Репина, – негромко произнес мой спутник, не поворачиваясь. – Восьмидесятые годы девятнадцатого века. Картина попала в музей, не имея названия, в каталогах упоминается как «Гадалка».

– Если меня память не подвела, вы хотели со мной поговорить относительно работы, – напомнила я. – Я должна узнать, для чего вам нужна охрана, и решить, возьмусь ли я вас охранять.

Взгляд у Соколова стал слегка укоризненный. Что, сел на любимую лошадку, да я перебила? Извини, мое время тоже не бесплатное.

– Не меня, – поправил он. – Гадалку.

– Картину? – удивилась я.

– О, нет-нет. Живую гадалку. Женщину. – Мне показалось, или Соколов занервничал?

– Ваша родственница?

– Нет. Скорее мой близкий друг.

– Так, давайте как можно подробнее, – потребовала я. – Если, конечно, вы *заинтересованы* в сотрудничестве.

Да, сейчас он определенно утратил спокойствие, как выражается моя тетушка.

Сдернул очки, протер их белоснежным носовым платком, водрузил обратно на нос.

– Евгения Максимовна, вы слышали о Василисе Ефимовне Комаровой?

Теперь настал мой черед удивляться.

Глава 2

Удивляться было чему.

Я редко читаю газеты. Но Василису Ефимовну Комарову в последний год часто упоминали в СМИ, так что даже вечно занятая я что-то улавливала. Имя было на слуху.

Вроде бы эта женщина была тоже в возрасте, только под пятьдесят, а не за, как Соколов. И круг ее способностей выходил за пределы традиционного «позолоти ручку, раскину карты». Целительница, гадалка на всем, от кофейной гущи до песка с пляжа. И еще что-то вроде следопыта: поиск пропав, от котят до брильянтов.

Словом, неплохо раскрученная персона, оказывавшая «магические» услуги всем, у кого были деньги на оплату этих услуг. Если судить по сплетням из желтых газет, круг клиентов у нее тоже был весьма разнообразный: от звезд шоу-бизнеса до разнокалиберных криминальных личностей.

Бесплатно эта «новая Ванга» тоже работала. Но в крупных масштабах: в телевизионных шоу. В основном дело происходило в больших залах или студиях, с непременным исцелением всего и вся в прямом эфире. Тетушка иногда посматривала эти шоу, сопровождая ехидными комментариями – мол, не обошлось без подставных лиц.

– Да, слышала, – осторожно подтвердила я. – Вроде бы она предсказывает будущее.

Был и второй повод для удивления, рутинно-неприятный. И я не замедлила о нем заявить:

– И что же получается, Артур Лаврентьевич, вы тоже – только посредник?

Длинновата дорожка выходила до непосредственного объекта охраны. Лишняя трата времени, причем без оплаты. А это я не люблю еще больше, чем недостаток сна. Если над вероятным охраняемым объектом так трясутся, что я должна переговорить с десятком человек, прежде чем меня представят лично... на фиг надо!

Кажется, Соколов смутился. Или *счел нужным показать, что он смущен*.

– Клиентом вы считаете того, кого охраняете, или того, кто оплачивает ваши... вашу работу? – замялся он.

– Кто платит, тот и клиент. Если платите вы, то вы клиент, и я работаю на вас.

– Прекрасно! – Он с облегчением улыбнулся. – В таком случае я – ваш клиент. Охрану Василисы Ефимовны оплачиваю я.

– Не торопитесь, – мягко возразила я. – Я еще не сказала «да». Для начала, я надеюсь, вы познакомите меня с госпожой Комаровой?

– О, конечно, не прямо сейчас, но...

– А когда, Артур Лаврентьевич? Обычно мое собеседование – это только одна встреча. В идеале сразу и с клиентом, и с объектом. Из уважения к нашему общему знакомому я согласилась на вторую. Похоже, намечается третья. Вы не усложняете?

– Она придет. – Соколов вновь говорил уверенно. – Буквально через десять минут. Василиса Ефимовна не самый простой человек, и угодить ее запросам сложно. Не всякий телохранитель ей подойдет. Она составила список требований. Вы подходите почти идеально.

– Ладно, допустим. – Я поджала губы, показывая, что не одобряю сложившуюся ситуацию. – Надеюсь, мне дадут поговорить с ней лично? Я должна знать, с кем, *возможно*, буду работать.

Мой клиент уловил только предпредпоследнее слово.

– Возможно? – умоляюще переспросил Соколов. – Евгения Максимовна, это вопрос жизни и смерти!

– Как обычно, – кивнула я. – Давайте по порядку, но сначала...

Я огляделась вокруг и заглянула через перила галереи вниз, на второй этаж. На галерее никого, кроме нас с Соколовым, не было. Но на втором этаже было довольнолюдно, доносился шум голосов и звук щелчков фотокамер. Ладно, вроде можно говорить.

– Вчера я имела сомнительное удовольствие познакомиться с неким Антоном Владиславовичем Маковым. – Я смотрела Соколову в лицо – оно прямо на глазах становилось более жестким, даже хищным. – Худой такой, длинный, весь в веснушках. Работает на одну влиятельную организацию и, как я убедилась, тот еще мастер маскировки. Вчера подарил вам цветы в корзине. Вроде имеет на вас во-о-о-от такой зуб.

– О, Евгения Максимовна, это не ваша проблема. Совсем не ваша. Не извольте беспокоиться. – С таким лицом, как сейчас у Соколова, один из моих коллег по «Сигме» вынужденно застрелил на задании напавшего на него пленного террориста.

– Я убедилась, что он весьма пронырлив. Вы уверены, что он, скажем, не подслушивает прямо сейчас?

Соколов вместо ответа наклонился через перила галереи и громко хлопнул в ладони два раза подряд. Эхо усилило звук хлопка.

Посетители на втором этаже под галереей почти одновременно подняли головы, уставившись на нас, и помахали руками. Затем показали большие пальцы – все, мол, в порядке. И вернулись к своим занятиям.

Выглядело жутковато, словно это были роботы или зомби. Некоторые из этих людей были внизу, возле касс, кое-кого я видела в книжном магазине возле Соколова, перед встречей.

Ему был нужен человек из Тарасова, здесь у него связей нет, вспомнилось мне из разговора с Арцахом. Вах, дорогой, до чего же вы ошибались. Даже меня маленько пробрало.

– Уверен. Я подстраховался, – пояснил Соколов. – Очень не люблю, когда лезут в мои дела.

– Допустим, – повторила я. – А что с самой Комаровой? Ей угрожают? Для чего требуется охрана?

– Василиса Ефимовна весьма знаменита. Ей предстоит турне по городам Волги – Самара, Волгоград, Нижний Новгород, Казань. По пути будут захвачены и города помельче. Везде у нее есть поклонники, и могут быть и враги. Ваша задача – оберегать ее и от тех, и от других.

– Она же вроде стремится даровать исцеление, или как она там говорит в своих телепрограммах, – хмыкнула я. – Как же она его дарует поклонникам, если ее надо от них защищать?

– Пусть исцеляет, – отмахнулся Артур Лаврентьевич. – На выступлениях. Главное, чтобы после они к ней не лезли. У нее будут и отдельные клиенты, платные...

– Они же *блатные*? – снова вклинилась я.

– Не все. Но многие. Это тоже не ваша забота, Василиса Ефимовна умеет с ними управляться. Вы лишь следите, чтобы ситуация не вышла из-под контроля. В случае чего и я поспособствую.

– Вы что же, с нами поедете? – удивилась я. – Или кто-то будет следить за качеством моей работы?

– Нет, нет, никакого контроля *лично за вами*. – Соколов снова будто бы смутился. – Просто, если возникнут проблемы, решение которых потребует дополнительных ресурсов, вы всегда сможете обратиться ко мне. Будет еще несколько человек рядом с Василисой Ефимовной, необходимая свита на время путешествия. Но их вы охранять не должны. Их вообще не нужно охранять. Главное – Василиса.

– Ладно, за мной смотреть не будут, это я поняла. А за Василисой Ефимовной? – цепко уточнила я.

– Будут еще двое человек. Так, подсобить. Для внештатных ситуаций.

– И заодно за мной присмотрят, да? Если у вас есть сомнения в моей компетентности, может быть, не стоит?..

Он вскинул руку – резко, как патриций, призывающий бунтующих плебеев заткнуться на хрен и разойтись по домам.

– Евгения Максимовна, никаких сомнений. Иначе бы я не обратился к вам и уж тем более не стал бы беспокоить Арцаха Суреновича. Но вы не станете отрицать, что иногда, – он выдержал паузу и с нажимом закончил, – *требуется помощь?*

– Не стану, – в тон Соколову ответила я. – Главное, чтобы эту помощь согласовывали со мной.

– Будут, не беспокойтесь.

Что ж, именно это я и хотела услышать. Я не настолько самоуверенна, чтобы в чрезвычайных ситуациях выкарабкиваться в одиночку. Помощь – это неплохо, главное, чтобы она не оборачивалась помехой.

– Вы уже столько раз попросили не беспокоиться. Подозреваю, поводов для беспокойства у меня будет более чем достаточно, – с иронией заметила я. – Артур Лаврентьевич, что будет, если я откажусь от этой работы?

– Почему? – немедленно вскинулся Соколов. Очень уж поспешно.

Я молчала, ожидая ответа на свой вопрос. Мой клиент снова снял очки, сложил, задумчиво похлопал ими по ладони.

– Очень трудно подобрать Василисе Ефимовне такого телохранителя, который ее устроит, – повторил он. – Она... женщина сложная и своенравная. Она моя покровительница, если хотите. Та святая, у которой я прошу благословения перед каждым делом. Это она помогла избежать мне тюрьмы.

– Когда отец Арцаха проиграл дело?

– Да! – Артур Соколов заговорил оживленно, даже страстно. Чувствовалось, что он верит в то, о чем говорит. Верит безоговорочно. – И если вы откажетесь, она не поедет в турне. Застрянет здесь, пока я не подыщу другого подходящего телохранителя. Она будет недовольна, а я потеряю ее расположение. И, чего доброго, попадусь Макову.

При этих словах Соколов трижды постучал рукой по деревянным перилам галереи.

Подставные зрители на втором этаже одновременно вскинули головы. Соколов отмахнулся: мол, все в порядке.

Мне отчего-то представилось, как все эти люди по приказу Соколова в едином порыве бросаются на агента Макова. Если, конечно, они не были наняты лишь для контроля периметра. Возможно, были еще наблюдатели, только я их не видела. Торчали где-нибудь снаружи.

– Сорвется турне, придется платить неустойку? – поинтересовалась я. Аргументы Соколова не особенно меня впечатлили.

– Да, причем крупную, – подтвердил Соколов. – Уже заказан транспорт, гостиницы, арендованы залы в каждом городе. Если все сорвется, боюсь, такая сумма будет критична даже для меня...

Да, попадались мне клиенты, которые самым верным способом уговорить считали давление на жалость. Со мной это бесполезно; впрочем, Артур Лаврентьевич не пытался *вышибить у меня слезу*. Но чувствовалось, что ситуация для него весьма серьезная.

– Ладно, а чего же во мне такого особенного? Раз Василиса Ефимовна требует именно меня?

Я думала, что Соколов начнет говорить про стаж или опыт, или сочетание того и другого с принадлежностью к женскому полу. Многие из тех, кто ищет телохранителя для ребенка или для женщины, хотят нанять именно женщину. Безопаснее, мол.

Но Артур Лаврентьевич ответил неожиданно:

– Это она вам сама и объяснит, и покажет.

– Прямо здесь покажет? – скептически осведомилась я. – Или вы поддержите традицию, и музей окажется не конечным пунктом назначения, а еще одной ступенькой к нему?

Это начинало реально бесить. Пожалуй, если бы не просьба Арцаха и не моя привычка доводить разговор до логического завершения, я ушла бы прямо сейчас. Ведут какими-то запутанными путями, клиент оказывается посредником, туману понапустил...

– Она вот-вот придет, – заверил Соколов.

– У нее должны очень веские причины, – съязвила я, свое недовольство уже не маскируя. – Надеюсь, госпожа прорицательница не в маске придет?

Артур Лаврентьевич меня словно не услышал. Отвернул голову вбок и весь замер. Застыл, будто статуя.

Я осторожно обошла его, заглянула в лицо. Взгляд у моего клиента сделался остекленелый, расфокусированный.

– Артур Лаврентьевич?

Черт, вроде он дышал. Или нет?

Я протянула руку к его шее – пощупать пульс. Но не успела дотронуться, как Соколов отмер, заморгал и всем телом развернулся в мою сторону. То есть туда, где я стояла пару секунд назад до того, как он замер.

– Я здесь, – озадаченно оповестила я. – Вы сейчас как-то... застыли, как памятник Ленину. Все в порядке?

– О, ничего страшного. – Соколов улыбнулся, но нервно. Похоже, эти мгновения собственной беспомощности ему не понравились. Ну, это я могу понять, сама ненавижу подобное состояние.

Не успела я и рта раскрыть, как мой клиент, потеряв всякий интерес к картине, кивнул в сторону лестницы:

– Она уже здесь. На первом этаже, у касс. Ждет нас обоих.

И заторопился вниз, более в мою сторону не обернувшись. Шел быстро, почти бежал. При этом со своей комплекцией умудрялся выглядеть не забавным, а скорее страшно занятым. Таким, что упаси боже отвлечь.

Я легко нагнала его.

– И что это сейчас было? – спросила я, пробираясь за ним мимо подставных посетителей. – Вы словно в транс впали.

– О, это Василиса. – Соколов отвечал, не сбавляя темпа, и ничуть не запыхался. – Она дала знать, что пришла.

– У вас с ней телепатическая связь, что ли? – хмыкнула я.

– Да, навряд ли того.

Ух, уржаться просто. Расскажу Арцаху, он любит все эти штуки навряд ли «Звездных войн» и «Секретных материалов». По ходу, сила пребывает с достопочтенной Василисой Ефимовной, не иначе.

Шутки шутками, а чем ближе мы подходили к кассам, тем сильнее и я ощущала что-то *такое*.

Не то чтобы давящее, но... Как если бы один человек вдруг размножился до десятка своих копий. И все эти копии стоят в маленькой комнате, и когдаходишь в комнату, ощущаешь...

Вот. Вот оно – энергетика, аура, не знаю, как еще сказать, но присутствие некоей особы я почувствовала издалека. Очень сильное присутствие, как будто замедляющее твое собственное движение в пространстве. Едва мы вступили в коридор первого этажа, у меня в мозгу невольно возник образ Комаровой – такой, как запомнился по газетным фотографиям.

Невысокая женщина, для своих лет – умеренно полная, с интеллигентным лицом. Но одетая неподходяще, нарочито простецки. Как пожилая учительница, переехавшая из города в деревню и плюнувшая на прежнюю презентабельность.

Две кофты одна поверх другой, широкая юбка с оборочками, цветастый платок, не подходящий ни к кофтам, ни к юбке...

Мой предполагаемый объект охраны выглядел почти так. Разве что из-под левого рукава кофты были видны массивные и дорогие часы, на ногах – фирменные зимние ботинки (кстати, хорошие, прочные, сама такими пользуюсь). Да и платок Василиса спустила с головы, повязав на шею. И то сказать, ей это шло немного больше: стали видны ухоженные темные волосы, которым *интересу придавала* одинокая седая прядь, слева в проборе. Притом с такой *темной мастью* и одеждой в ней не было ничего черняво-цыганистого, маргинального-бродяжного, отшельнического. Того, что обычно увязывают с гадалками и так называемым колдовством.

На фотографиях гадалка представляла без очков, но здесь была в них, и это усиливало сходство с учительницей.

– Сокол мой ясный, явился не запылится! И красну девицу добыл, как я просила.

– Добрый день, – осторожно поздоровалась я.

– Василиса Ефимовна Комарова – это Евгения Максимовна Охотникова, телохранитель. Евгения Максимовна...

Ну, хватит, пожалуй.

– Я в курсе, что вы гадалка и заинтересованы в личной безопасности. Артур Лаврентьевич настаивает на моей кандидатуре, говорит, что это ваш выбор. Но не смог объяснить, по какой причине вам нужна именно я. – Я бесцеремонно перехватила инициативу. – Если я правильно его поняла, дело не в стаже и не в опыте. Верно?

«Новая Ванга» смотрела на меня чистым и незамутненным взором, какой я видала у фанатов восточной медитации и прочих практик для душевного здоровья.

Глаза у моей возможной подопечной оказались светло-карие, с желтыми крапинками. И отчего-то от взгляда их делалось очень спокойно и тут же – очень не по себе.

В душу смотрит, как говорится.

– Вы не бойтесь, родная, – ласково произнесла Комарова. – Я вас не укушу.

Народу вокруг нас было прилично, но никто в нашу сторону и бровью не вел. У меня мелькнула мысль: это не потому, что и эти посетители подставные.

Появилось ощущение, что Комарова как бы замкнула нас троих – меня, себя и Соколова – в отдельный пузырь в пространстве. И оттого люди вокруг перестали нас замечать.

Ну, в данный момент «способность головы чутать жопой», то есть интуиция вкупе с субъективным восприятием сообщали мне именно такое ощущение.

Артур Лаврентьевич стоял с таким видом, словно происходившее было ему давно привычно и приятно, а сам он очутился в самом безопасном месте на земле. Стоял, короче, с бесяще-блаженной физией.

Во рту пересохло. Я сглотнула.

– Я верю, – выдавила я. – Верю, что не укусите. Но сейчас надо обсудить важное дело, и я не хочу обсуждать прямо здесь.

– Здесь безопасно, – возразила Василиса. – Энергетические потоки благоприятные.

Чуть помолчала и выдала с тем же просветленным видом:

– Да и этого говнюка Макова тоже не видать.

– Да, Артур Лаврентьевич говорил, что возьмет его на себя. Просил не беспокоиться по этому поводу, – подтвердила я. – Может, хотя бы присядем куда-нибудь?

Гадалка, никак не отозвавшись, пошла вперед, мимо касс, мимо книжного магазина – в конец коридора, к скамейке возле тупичка с кофейным автоматом и кулером. Занятная у нее была манера двигаться – так, будто всего мира вокруг нее не существовало или же он никак не мог ей навредить. Отстраненное выражение лица... уж не под кайфом ли она, случаем?

– Артур Лаврентьевич, Василиса наркотики принимает? – шепотом осведомилась я. Гадалка шла метрах в десяти от нас.

– Нет! – возмущенно возразил Соколов. – Ни наркотиков, ни алкоголя!

А лицо-то, а: мол, и как это у меня язык повернулся такое сказать про его покровительницу?

– Если я возьмусь за это дело, будьте готовы к тому, что я буду задавать неудобные вопросы, – все так же шепотом сообщила я.

Василиса Ефимовна уже уселась на скамейку – ровно посередке. Нам с Соколовым оставались места справа и слева от нее. Я осталась было стоять, но Комарова требовательно похлопала по мягкой обивке:

– Садитесь, душа моя. Не люблю, когда нависают.

– Как Маков? – уточнила я, припомнив замечание про «говнюка» из Василисиных уст.

– Нет, меня это просто отвлекает. – Она все держала этот умиротворенный тон. Да и ощущение «пузыря» никуда не делось.

– Итак, Василиса Ефимовна, – начала я, – Артур Лаврентьевич в целом посвятил меня в вашу ситуацию. Вам предстоит турне по Волге, вы будете выступать и консультировать. Мне предложили охранять вас от нежелательного внимания и обеспечивать вашу безопасность. Также я узнала, что мне в помощь дадут еще двоих человек, и заверили, что они никак не помешают.

– Турне продлится около месяца, – торопливо вставил Соколов. – Если не возникнет каких-либо осложнений. Но за этим я присмотрю.

– Смотри, как бы за тобой не присмотрели, – усмехнулась Василиса Ефимовна. – Антоха-то как та Машка у медведя на закорках – высоко сидит, далеко глядит...

– Василиса Ефимовна, – напомнила я о себе. – Артур Лаврентьевич утверждает, что мое участие – вопрос жизни и смерти. И что только я и смогу вам сейчас помочь. Он сказал, что вы сами мне объясните – почему.

– А потому что у вас, Евгения Максимовна, с головой неполадки.

– Простите?! – Такого заявления я ожидала меньше всего.

– У вас в мозгу – от нормы отклонения. В физиологическом смысле. В детстве башкой стучались? Лет в девять, в десять?

– В медицинской карте указано, было небольшое сотрясение, – вставил Соколов.

Ладно, я привыкла, что порой клиенты владеют обо мне куда более обширной информацией, чем можно ожидать. Неприятно, но объяснимо.

– У тебя где-то там посередке не все в порядке. – Комарова постучала себя указательным пальцем по голове, примерно посередине черепа. – В промежуточном мозге и этом... как его... гипоталамусе. Влияет на центральную нервную систему, на восприятие.

Меня пробрало легким ознобом.

Ребенком, как и подростком, я была довольно активным. Мама одно время подозревала синдром гиперактивности, папа просто говорил – мол, *прет изо всех мест*. Как и многие дети, я обожала лазать по деревьям, и однажды я навернулась с дерева. С маленькой высоты, метра полтора, но для восьмилетнего ребенка это прилично. Отделалась легким сотрясением, потому что основной удар пришелся на плечо и бок; да и упала я на рыхлый, влажный после дождя газон. Последствия были небольшие и недолгие: сбился режим сна и бодрствования, всего-то на неделю.

– Вот, Артур Лаврентьевич вам подсказывает, – язвительно произнесла я, глядя на него. – Когда там у меня сотрясение случилось? По медкарте-то?

– В восемь с половиной лет, – задумчиво, как бы на пробу, произнесла Комарова. Взгляд у нее сделался пристальный, прищуренный, будто она вглядывалась куда-то в даль.

В прошлое?

Она смотрела на меня и в то же время мимо меня.

– Лето тогда было жаркое. Мать пообещала мороженое, если ты немедленно слезешь с дерева, – отстраненным, словно бы чужим голосом начала гадалка. – Ты почти слезла, но поторопилась и ногу поставила на сухой сучок.

– Не надо, – жестко предупредила я. Ознобом меня уже не продирало, но в горле словно ком льда застрял.

– *Макси-и-им*, – жалобно и тоскливо, голосом моей мамы протянула Василиса Ефимовна, – *Макси-и-им, сюда!*

– Я сказала – хватит, – еще жестче повторила я. Руки так и чесались хватнуть эту *экстрасенсху* за плечи да тряхнуть как следует, чтобы заткнуть.

– Так вот я о чем? – Василиса мгновенно сфокусировалась на мне. – О том, что сотрясение у тебя случилось и вроде как все обошлось. Ну, седмицу ночей не спала, и ладошки. А вот эта штука в мозгу, этот узелочек-то, гипоталамус... он еще на внушение влияет. На убеждение. Я же, *дорогуля*, не только прошлое смотрю да будущее прозреваю. Я ж еще и усыпить могу, и в транс ввести, и всякое заставить делать. А у тебя этот узелочек поврежден, не работает на внушение, не воспринимает гипноз. Вроде как антенна, которая сигнал не ловит.

– Хорошо, – настороженно ответила я. – Но зачем вам вообще телохранитель? С такими-то способностями?

– А затем, что я воздействовать могу только на одного человечка за раз. И я же обстановку не умею оценивать – безопасная или нет. А ну как испугаюсь чего? И решу, что я лучше знаю, что делать и *куды бечь* от беды-то. Да и внушу своему охраннику, что нужно делать. Или вообще решу, что опасности нет никакой, и тоже внушу это охраннику, чтобы выступить дал, не портил турне. – Василиса перевела дух. Она выглядела слегка взволнованной. Но только слегка. – Понимаешь мою проблему?

– Нам потребовался профессионал высокого уровня, но при этом со специфической травмой мозга, – добавил Соколов тоном папаши семейства, нашедшего наконец для дочурки подходящего репетитора.

– А те двое, которых уже нашли? – напомнила я. И не подавала виду, что удивлена.

Еще в «Сигме», да что там – раньше, при подготовке и отборочных тренировках, – некоторые из психологов отмечали мою своеобразную *упертость*. На меня плохо действовали успокаивающие или манипулятивные интонации. Это качество у меня отмечали и рекомендовали развивать. Мол, сложнее будет поддаваться на уговоры пленных, и прочее в том же духе. Некоторые из коллег – не только мужчин, но и женщин – называли меня твердолобой.

А оно вон, значит, в чем дело. Если верить госпоже ясновидящей – в *узелочке гипоталамуса*.

– Алмазный мой, ты еще кого-то *нарыл*? – встрепенулась Комарова.

– *Нарыл*, Василиса Ефимовна. И ребята вполне способные.

– *Мышка и медведь*, – пробурчала себе под нос Комарова. – Так я о чем, Евгения Максимовна, душенька, соколица вы моя востроглазая. Мне же и *от меня* защита понадобится. Чтобы я головушкой в опасных ситуациях нормально думала, да вас слушалась. Чтобы чего беспутного не наделала. Мое-то дело маленькое – выступить. Вы как, согласны?

Серьезный вопрос.

– Мне не хватает... м-м-м, вы не очень убедительны, – нашлась я. – Вот скажите, о чем я сейчас думаю?

– Хотите заломить цену, – будничным тоном сообщила Василиса Комарова. – Если не выйдет отказаться, попросите вдвое больше, чем обычно.

Я не скрыла изумление; и мне плевать было, видит Соколов или нет. Впрочем, он на Комарову, похоже, чуть ли не молился, так что едва ли удивится.

– Вот сейчас выругались, – продолжила она также спокойно. – Ну что еще? Захотите, Артур Лаврентьевич козликом у меня тут запрыгает али *бляшкой* кудрявой. Он запрыгает, а вы нет.

– Это уж вы хватили, – возразил Соколов. Оно и понятно: при всем своем трепетном отношении к гадалке едва ли он желал *прыгать козликом*. Да и кто пожелал бы?

Мне захотелось отодвинуться от этой дамы, а еще лучше – вообще выбежать из музея, запрыгнуть в «Фольксваген» и дать по газам.

– Тут все подставные. При помощи того же микрофона можно передать команду, и кто угодно что угодно сделает, – неожиданно для себя произнесла я. – А вы выйдите на улицу и сделайте что-нибудь такое с кем-нибудь не поддельным. Не подставным. Случайным.

Да, жеть, но я нуждалась в доказательствах. Мне случалось заниматься охраной медийных персон, и в их числе были даже двое искусных фокусников.

Но вот с таким уровнем сталкиваться еще не приходилось. Своим глазам и прочим органам чувств я доверяла. А потому мне нужно было увидеть что-то совсем невероятное.

Даже не невероятное, а... Ладно, употреблю это слово.

Чудесное.

Вот.

– Неужели недостаточно того, что есть? – Пожалуй, впервые с момента встречи Артур Лаврентьевич выглядел недовольным.

– А если покажу, согласитесь? – Комарова, напротив, ничуть не возражала.

– Соглашусь. – Меня озарила удачная мысль. – Вы мне докажите, что я и правда защищена от внушения. Заодно увижу, как вы умеете других подчинять.

– О-о-ох. – Теперь и Василиса Ефимовна поскучилась.

– Сделаете это – и я работать соглашусь за свою обычную цену. Не стану требовать надбавку за специфические условия работы.

Вот это с моей стороны была несомненная провокация.

Но стыдно мне за нее не было: мне не понравилось демонстративное *влезание* в мою голову. И демонстрация *неподвластности внушению* была решающим аргументом, который убедил бы меня на эту работу.

– Пойдемте. – Она поднялась, поманила за собой.

– Но, – добавила я, – при этом я оставляю за собой право прервать контракт в случае, если компетентное выполнение моей работы будет невозможно по не зависящим от меня причинам.

– Согласен. Вполне разумно, – кивнул Артур Лаврентьевич, поднимаясь следом. – Вы прогуляйтесь пока, а я еще осмотрюсь. Так редко доводится бывать в музеях!

Мы с Комаровой вышли на свежий воздух. Сегодня, как и вчера, было довольно пасмурно и влажно, но без осадков. Комарова накинула платок на волосы. Верхняя ее одежда представляла собой легкую шубу из экомеха; и вот шуба-то придала ей сходство с цыганкой.

– Я закурю? – спросила она.

– Валяйте.

– На «ты» можно? – уже с сигаретой в зубах процедила Василиса Ефимовна.

– Валяйте, – тем же беспечным тоном разрешила я. Ей-ей, после сеанса копания в моем прошлом какое-то «тыканье» погоды не делало.

– Ты не смотри, что Артур Лаврентич такой *смиренькой* да покладистый. Он тот еще... – Василиса не нашла нужного слова и только сплюнула. Правда, не на тротуар, а в кстати попавшуюся урну.

Зубы у нее были желтые-желтые.

– Короче, мне и правда нужен человек с легкой патологией гипоталамуса. И гастроль серьезная, не перенесешь, деньга жирная вложена, да не последними людьми. – Комарова зянула сигаретой, выпустила такой клуб дыма, какому и дракон позавидовал бы. – Так что,

милушка, очень надо, чтоб ты всю эту гастроль сдюжила. Потому как замену тебе будет найти трудно. И это я не польстить тебе пытаюсь.

– Я уж поняла. – Я примолкла было, но тут же вспомнила кое-что из сегодняшнего:

– А вы с Маковым Антоном Владиславовичем тоже знакомы?

– Это который работает в... – Она оглянулась, прежде чем тихо произнести название организации. – Хорошо знакома. Пытался завербовать для нужд государства. Но некоторым людям по другую сторону закона я оказалась нужнее.

– И вам это нравится? – Я разглядывала Василису, отмечая и возрастные круги под глазами и жесткие складки в углах едва накрашенных губ.

– Неплохо, конечно, когда в рот смотрят, – уклончиво ответила она. – Или там когда помогаешь кому, спасаешь от такой хрени, с какой врачи не справятся. Вот, зайдем-ка сюда, *присоединимся* к кому-нить. Ты ж хотела что-то *чудесное*, а?

Чудесное, вздрогнула я. Я ведь не называла это слово вслух.

Она толкнула дверь книжного магазина.

Людей было совсем немного; очевидно, мы попали близко к обеденному перерыву. Человек пять или шесть. Я не успела сориентироваться: Василиса быстро вышла на середину торгового зала. Одновременно забавная и внушительная в своей пушистой экошубе, она оглянулась и поразительно громко гаркнула:

– *А ну всем стоять!*

Я не вздрогнула только потому, что морально была готова к чему-то этакому.

Все посетители застыли, как парализованные. Дядька, взявшийся за ручку входной двери и замерший на полпути; две кассирши, из них одна возле кофейного автомата; мужчина с малышом в одной руке и поручнем коляски в другой; девчонка лет шестнадцати у стеллажа с японскими комиксами.

И я, Женя Охотникова, приглашенная свидетельница.

Василиса Ефимовна стояла, напрягши плечи и сжав руки в кулаки. Челюсти у нее тоже были крепко сжаты. Глаза закрыты, но при том мне было видно, как мечутся под веками глазные яблоки.

Мое тело попыталось выполнить озвученную Василисой команду. Ноги налились свинцовой тяжестью, суставы окаменели; мышцы, казалось, могли раскрошиться от малейшего усилия, будто засохшее мыло.

Я перевела взгляд на кассирш: во время *перформанса* Комаровой я оказалась к ним ближе всего. Девушки молча таращили глаза: только ими они и могли двигать. Одна замерла с вытянутыми руками – и эти руки не дрожали, хотя держали пару увесистых книг. Вторая, у кофейного автомата, силилась разомкнуть побелевшие губы. И от бессилия начала плакать – беззвучно и оттого более жутко.

– *Никто не двигается*, – с усилием процедила гадалка.

О том, что я хотела удостовериться в собственной сопротивляемости внушению, я вспомнила позже, когда мы уже покинули магазин. А сейчас я поняла только, что мне надо каким-то образом дойти до Василисы Ефимовны и прекратить этот ужас.

Устроенный, между прочим, по моей просьбе.

...это более всего походило на ходьбу по колену в воде, против течения, и притом в полном боевом костюме. Оторвать подошвы от пола не получалось, зато неплохо вышло скользить. Едва я сделала первый шаг, Василиса Ефимовна крепче стиснула руки – так, что костяшки на кулаках побелели еще сильнее.

Я ощутила сильную, почти обморочную слабость, но заставила себя сделать еще один шаг.

Малыш на руках отца начал сдавленно хныкать, девчонка у комиксного стеллажа что-то невнятно промычала.

Чем ближе к цели, тем легче мне давался каждый шаг. Когда до Комаровой осталось не больше метра, я даже смогла поднять ногу для следующего шага.

И, едва получилось дотянуться, с размаху хлопнула гадалку по плечу. А рука у меня тяжелая, хоть с виду и не скажешь.

Она сдавленно выдохнула – одним долгим свистящим выдохом, и тут же вдохнула. Задерживала дыхание?

И разом все отмерло, ожило: малыш заорал во всю глотку, дядька вышел вон из магазина и тут же упал, отец малыша поспешно двинулся к выходу, девица возле стеллажа уронила на пол книжку, кассирша с книгами – тоже, но уже на стол возле кассового аппарата. Ее коллега громко всхлипнула.

Василиса Ефимовна под моей рукой обмякла, словно сдулась после приложенных усилий. И то сказать, она побледнела, а белки глаз у нее стали красные, как после долгой работы за компьютером.

– Ну? – хрипло спросила она.

Упавший за дверью дядька, матерясь, поднялся и пошел прочь от магазина; мужчина с ребенком вышел почти сразу за ним, на секунду застряв коляской в дверном проеме и рывком ее протолкнув.

Девица-подросток начала жевать жвачку и потрясенно протянула:

– Хренасе...

– Пойдемте. – Я обхватила гадалку за оба плеча и повела вон из магазина. Очень быстро.

Она шагала устало и медленно. Я довела ее до своего автомобиля и помогла сесть. Потом проехала около километра от Тарасовского художественного музея. Недалеко, но все же подальше от ушей Соколова и подставных зрителей.

– Что-нибудь нужно? Чай? Кофе? Смизи? Что-то из еды?

– Просто посидеть, – тихо попросила она.

Пару минут мы сидели молча. Потом я решила:

– Вы же говорили, что только на одного человека за раз можете воздействовать.

– Ты смотри, все-то ей не ко двору, – хмыкнула Василиса Ефимовна. Восстанавливалась она быстро. Во всяком случае, на щеки вернулся румянец, да и глаза стали уже не как у больной конъюнктивитом. – На одного человека – да, если мне надо, чтобы он *что-то сделал*. А если нужно, чтобы все сыграли в «Замри!» и ничего не делали – это попроще. *Заморозить человека* – оно всегда попроще. Да еще если помещение небольшое. Тогда и нескольких могу подчинить.

– Как-то это... – У меня не находилось слов. Оно и понятно. Будто в серию «Зачарованных» угодила. Какая-то из ведьм там умела делать так, чтоб все вокруг застывали, как скульптуры.

Зато у Комаровой слова нашлись:

– И вот если бы у тебя с гипоталамусом, да с мозгой промежуточной все было в порядке, – она протянула руку и постучала уже меня пальцем по голове, сверху, – ты бы ни-чер-та не сдвинулась бы с места.

Я даже не стала убирать ее руку.

– Ну? – Она смотрела на меня требовательно, чуть насмешливо; но и тревожно, устало и выжидательно. – Убедилась, Фома неверующий?

Я кивнула несколько раз подряд, потом хрипло выдавила:

– Да. – Сглотнула. – Да, убедилась. Поедем, обрадуем вашего поклонника. Я согласна на эту работу.

– Он мне не поклонник. – Василиса Ефимовна поудобнее устроилась на сиденье и законопослушно пристегнула ремень. – Водицы испить не същется?

Водица сыскалась, гадалка закинула в рот таблетку (я успела прочесть надпись на блистере – оказалось, от давления) и запила ее почти половиной литровой бутылки.

– Все эти проделки очень обезвоживают, – поделилась она. – И давление, само собой, скачет. Я ж не молодуха уже.

Я дождалась, пока она попьет, забрала бутылку, и мы поехали к музею.

– В молодости, наверное, все это легче давалось? – поинтересовалась я.

– Что – все?

– Ну, штуки эти. Которые вы сейчас проделали. – Я повела плечами. Легкое онемение мышц ощущалось до сих пор, будто я отлежала все тело разом. Поэтому ехали мы неторопливо.

Да и на душе было как-то... странно. Будто куча вещей разом перестала иметь значение. По крайней мере временно.

– В молодости я такими штуками не занималась, – пояснила Василиса Ефимовна. – Мне сейчас сорок девять... так, ну вот где-то после сорока четырех и пошло.

– Я слышала, – оживилась я, – что дар ко всякому такому пробуждается, ну, после какого-то потрясения, катастрофы или крупного поворота в жизни. У вас, наверное, так и случилось?

Да, я после своего личного потрясения была немного бестактна, не спорю.

– Да, было, – неожиданно весело произнесла Комарова, скаля желтые *протабаченные* зубы. – Случилось потрясение.

И почти без паузы пояснила:

– Климакс наступил.

Я не сдержалась и заржала. Неожиданно для себя самой, сильно и громко; так что пришлось срочно притормозить у ближайшей автобусной остановки. К счастью, приступ хохота у меня быстро прошел. Но после него я ощутила настоящее облегчение, да и онемение в мышцах пропало.

А что, хорошо, когда у подопечных есть чувство юмора!

– Ух, смеется-заливается... думаешь, шучу? Между прочим, цикл менструальный – штука серьезная, много на что влияет. Погоди, вот начнется климакс у тебя, сама увидишь.

– И как, вы правда заставили бы Артура Лаврентьевича скакать козлом? – спросила я, вытерев слезы и снова берясь за руль.

– Нет. Мы давно работаем вместе. Считай, коллеги, да и деньги он мне платит приличные. К чему обижать хорошего человека?

– И правда, – скептически протянула я. – Очень хороший человек.

– Он первый дал мне работу, когда у меня пошла вся эта свистопляска, ну, способности проклюнулись и прочее. Потом уже подобрал мне в клиенты пару своих знакомых, дело завертелось...

– Как сутенер прямо, извините за сравнение, – не удержалась я.

Я думала, что Василиса Ефимовна обидится или скажет что-то резкое. Даже я ощутила, что как-то очень уж цинично высказалась.

Но Комарова посмотрела спокойно и внимательно и сочувственно произнесла:

– Что, за армянского мальчика обидно? Что Артур Лаврентич его *прессанул*?

Я даже не стала прикидывать, *прочитала ли* Василиса *это у меня в голове* или просто была в курсе, кто познакомил меня и Соколова. Забавно, что почти сорокатрехлетнего Арцаха она назвала мальчиком: не такая уж большая у них разница в возрасте.

– Да нет, не обидно, – пожала я плечами. – Просто Соколов не тянет на хорошего человека. Ну, не знаю.

Мы приехали, и удалось припарковаться близ музея.

– Уж точно лучше этого ублюдка Макова, – внезапно жестко произнесла Василиса, возясь с ремнем безопасности.

– Мне нужно знать что-нибудь про вас и Макова? Я считаю, он может быть серьезным препятствием.

Она ответила не сразу.

– Сейчас он не такое препятствие, как был раньше. Раньше – да. Здорово мне подгадил. Сначала – когда копал под Артур Лаврентича, потом – когда пытался заставить сотрудничать. – Она высунулась из машины и сплюнула уже на тротуар. – Ничего, я его, суку, признаю везде. Он ко мне не су-у-унется.

– Ох, пойдете уже.

Даже не позвонив и не уточнив ничего у Соколова, Василиса Ефимовна безошибочно нашла его в немаленьком здании музея. Сразу после гардероба устремилась в музейное кафе – там-то он и сидел, смакуя уже вторую чашку кофе.

– Как все прошло? – он спрашивал не Василису – меня.

– Смею заверить, демонстрация превзошла все мои ожидания. – Я вновь ощутила нас троих как бы замкнутыми в пузырь. Своеобразно отгороженными от остальных посетителей.

Это вполне объясняло, почему, несмотря на популярность гадалки, к ней никто не подходил с просьбами о предсказании будущего и прочем в том же духе. Не докучал, словом.

– И вы согласны? – он явно спрашивал для проформы, уже не сомневаясь в положительном ответе.

– Да, я согласна охранять Василису Ефимовну в течение месяца, во время ее турне. И ожидаю, что вы действительно сделаете все, чтобы Антон Маков не портил жизнь *моей подопечной*. – Я предпочитаю сразу обозначить те аспекты работы, с которыми не могу справиться, и потому даже не буду за них браться. – Увы, с товарищем из *такой конторы* я едва ли справлюсь. А вы не единожды меня заверили, что беспокоиться насчет него не стоит.

– Вы абсолютно правы, – серьезно заверил Соколов. – Он исключительно моя забота.

– Заноза в жопе, – неинтеллигентно и весело присовокупила Василиса Ефимовна, изучая раздел с пирожными в книжечке меню. – Большая такая.

– Ах да! – Я спохватилась и полезла в сумочку. Хорошо, что вспомнила! – При нашей первой встрече он, Маков, кое-что мне дал. Не рискнула отказываться. Думаю, вам пригодится. Я протянула Соколову визитку.

– Он сказал, что если я стану охранять вас, то мне лучше его известить, – добавила я. – Не то чтобы я собиралась. Но, полагаю, раз я займусь охраной Василисы Ефимовны, вашего визави можно не оповещать.

– Вы, Евгения Максимовна, можете свободно чхать на любые его инструкции, – отозвался Соколов, изучая визитку. – С самой высокой башни из всех возможных.

– Что ж, в таком случае... вам известны мои расценки? – Встреча наконец перешла на рутинную деловую тему. Никакой мистики и шпионских игр с передеваниями.

Соколов чуть поторговался, не ужимая цену, а наоборот – предлагая надбавку за выездные условия задания. Я отказалась: стоимость моей работы я без веских (чаще всего экономических) причин не повышаю. Мы сошлись на том, что за особо опасные условия работы или чрезвычайное происшествие надбавка все же будет.

Но я, несмотря ни на что, позволила себе надеяться, что этот месяц пройдет с минимальными форс-мажорами. Надеюсь, но не обманывалась. Задание не виделось особо легким, да и четыре недели – срок приличный.

– Еще один момент, – вспомнила я, когда мы уже заказали пирожные и чай. – Василиса Ефимовна, у вас бывают прозрения относительно грозящей вам опасности? Скажем, заселяетесь вы в новую гостиницу и чувствуете, что здесь на вас нападут, и даже уже знаете, кого опасаться...

– Нет, красна девица, – прожевав кусок пирожного, возразила Василиса Ефимовна, – так я не могу. *На себя у меня глаз закрыт*, понимаешь? Мне и поэтому телохранитель нужен.

Она вытерла рот салфеткой и взяла следующую порцию.

– Нет, я чувую, если место дурное или человек нехороший. Если он на кого конкретного нацелился, я тоже могу засечь. Если поднапрягусь. Но это если на кого другого нацелились. –

Она прожевала и повторила: – Про себя я ничего не вижу. В самом лучшем случае – если вижу себя в чем-то будущем.

Она не выглядела расстроенной этим фактом. Видимо, смирилась с этой стороной своего дара.

– В этом есть и плюс, – заметила я. – Вы не будете мешать моей работе. На самом деле это очень хорошо.

– А раз хорошо, – сказал Артур Лаврентьевич, – то когда вы, Евгения Максимовна, готовы приступить?

Месяц, напомнила я себе. Месяц рядом с женщиной, которая *выделяет всякие штуки*.

– Хоть сегодня, – без паузы ответила я. – Только вещи соберу и квартиру на сигнализацию поставлю.

– Прекрасно! – обрадовался Соколов. – У Василисы Ефимовны как раз сегодня выступление. В концертном зале Дома культуры.

– У нас в Тарасове их несколько, вы в каком будете выступать? – Я уже включила рабочий режим.

– В центральном, свет мой ясный, – пояснила Василиса. – Мой менеджер хотела зарезервировать концертный зал побольше или там холл в гостинице «Евразия», но я не захотела. Там атмосфера неприятная. Вот Дом культуры – это самое оно.

Ох, было у меня как-то раз дело, крепко связанное с центральным Домом культуры. Так что насчет неприятной атмосферы я бы поспорила.

– А где вы остановились? – уточнила я.

– Так вот в «Евразии» же. Надо вас, кстати, познакомить со всеми, правильно, Артур Лаврентьевич? С Людмилой, с Павлом, о, и с Русланчиком непременно...

– А всего их сколько, этих «всех»? – поднапряглась я. Да, Соколов упоминал про свиту. Черт, надо было сначала спросить, сбила меня с толку Василиса, отвлекла своими фокусами...

– Людмила – мой тур-менеджер, она все организует, бронирует, договаривается, ну, понятно. Павел – мой личный массажист. Мне перед выступлениями расслабиться надо. А Руслан... – Василиса помялась.

Я посмотрела на нее, потом на Артура Лаврентьевича. Отлично, не успела приступить к работе, а уже какие-то недомолвки пошли.

– Это Василисин духовный ученик, – пояснил Соколов. – Еще мальчик, двенадцати лет.

Я откинулась назад на спинку стула и досадливо цыкнула языком.

– Ребенок! И вы говорите об этом в последнюю очередь! Это усложняет дело. За ним есть кому присмотреть? Или?..

– Вы не будете отвечать за него лично. – Соколов, наоборот, подался вперед. – Я говорил, вам будут помогать.

– И эти помощнички и присмотрят? – Я все еще сомневалась. Ребенок, да еще в поездке – это неслабый геморрой.

– Да, – твердо повторил Соколов. – Вы охраняете только Василису.

– Я запомнила ваши слова, – отозвалась я. Это не было угрозой: я предпочитаю ясность в делах, четко обговоренные детали. Меньше недомолвок – меньше проблем.

– И мышку с медведем приводи, Артур Лаврентич, – произнесла Комарова непонятно для меня. – Тех, что нарыл *краснадевице* в подмогу.

Вроде бы пока что я уточнила все, что могла. На данный момент. Уже и не сомневалась, что по ходу поездки – да что там, даже сегодня вечером – могут всплыть новые сюрпризы.

Хотя нет, осталось еще кое-что.

– Этот ребенок, Руслан, – опасно протянула я. – Ваш духовный ученик. Он тоже, как вы? Одаренный?

– Ну, не прям как я, – задумчиво протянула Комарова. – Но многообещающий. Кое-что уже может, да.

Час от часу не легче.

Глава 3

– Готовность – минута, – это тур-менеджер Людмила, – Василиса Ефимовна?

Комарова отмахнулась от Павла, чтоб больше плечи не разминал.

– Хорош, алмазный мой, – буркнула она. Лицо у нее было уже «нездешнее»; как раз для публики, ждущей чего-то возвышенного и мистического.

Я еще раз выглянула в зал из-за кулис. Все было чисто, периметр я уже осматривала. Новых лиц не прибавилось, что меня немного озадачивало: я попыталась найти нанятых мне в подмогу «мышку и медведя».

Они же – Рональд Петрович Коновалов и Нонна Тимофеевна Загребец. Образное сравнение с медведем и мышью оказалось снайперски точным. На отдельных, портретных фотографиях из досье этого было не увидеть. Но прилагалась еще одна, совместная фотография, и вот там – хоть стой хоть падай. Та еще парочка.

Рональд Петрович был бывшим спецназовцем, высоким и мощным: рост два метра, косая сажень в плечах. Не человек, а стена, любую дверь протаранит. Причесон как из барбершопа и аккуратная борода не делали его облик менее угрожающим. Рубашка и галстук, в коих он был заснят на портретном фото, тоже положение не спасали. Особенно для людей с наметанным взглядом. Я моментально определила в этом мужике бывшего бойца. Из досье: после работы в спецназе он не смог приспособиться к мирной жизни (знакомая, ох какая знакомая ситуация). Начал работать на мафию; но сугубо по охранной части. Кого-то прессовать, участвовать в налетах и прочем Коновалов отказывался. В досье же было сказано – по религиозным причинам: очень верующий. Но уж медведь так медведь.

Нонна Тимофеевна (хоть стой хоть падай номер два) в контраст ему оказалась фигуристой коротышкой. Полтора метра росту, бритая наголо башка, недобрая улыбка во все зубы (между двумя передними – щель). Неожиданные при такой brutальной прическе (точнее, ее отсутствии) мягкие черты лица и ухоженные густые брови. Чисто соболиные. А сходство с мышью Загребец придавали не только крупные передние зубы со щелью между ними, но и уши: крупноваты для такой головы, немного торчат.

Эта дамочка специализировалась на воровстве и взломе.

Шикарно, просто шикарно, черт побери.

Легко было поверить, что они из криминального окружения Артура Лаврентьевича. Но вот по поводу возможности сработаться меня терзали смутные подозрения.

Хотя бы потому, что перед выступлением меня с ними не познакомили: Артур Лаврентьевич по телефону сообщил, что оба *подсобных бойца* уже следят за периметром. Василиса Ефимовна настраивалась на выступление, медитировала, ела сухофрукты, общалась со своим учеником Русланом (все это под непрерывный массаж плеч, шеи и головы от Павла). А я – больше от досады – время от времени пыталась высмотреть этих двоих. Поди, не затерялись бы в толпе при этаккой внешности.

Долговязый блондин Павел и бесконечно суетливая невысокая брюнетка Людмила мое появление восприняли в стиле «Надо значит надо». Людмила клятвенно пообещала обсуждать и согласовывать со мной детали тура. Павел просто усмехнулся:

– А я что, я мебель. Куда потащите, туда и попрусь.

Людмила не расставалась с планшетом, по которому постоянно сверяла то расписание, то какие-то списки. При несоответствии ворчала – например, когда выяснилось, что *нашей пророчице Василисе* не принесли в гримерку сушеные ананасы.

Павел к реальности проявлял мало внимания, торча одним ухом в mp3-плеере. Вырубал он его только по просьбе Василисы, чтобы не портить ей настрой перед выступлением.

Руслану меня представила отдельно сама Василиса.

Невысокий русоволосый мальчик, Руслан при своем субтильном телосложении выглядел все равно старше своих двенадцати лет. По словам Василисы, он приходился ей троюродным племянником. Был сиротой, потому она и заботилась о нем. Когда я спросила о школе и об учебе, Руслан с очень серьезным для ребенка лицом сообщил, что учится экстерном, и вообще у него сейчас каникулы и он...

– Я Васе помогаю, – безапелляционно заявил этот сопляк. С таким лицом, будто эта фраза объясняла абсолютно все, включая смысл бытия.

Сидел он в Василисиной гримерке с таким видом, будто на все и вся ему было плевать. Или – что ему все надоело. Василиса его вроде опекала, но без особого фанатизма. Например, не стала настаивать, чтобы он чем-то занялся, а не сидел и пялился в стенку. Зато настояла, чтобы он хорошенько поел.

Зато когда Василисе настало время выходить на сцену, пацан пулей подорвался со своего стула и зашагал рядом с Василисой. И когда она...

– Готовность тридцать секунд! – прошипела Людмила, отнимая хлеб у координатора.

...вышла на сцену, покачиваясь, будто лунатик, одетая в просторное *балахонистое* платье, и медленно поклонилась – Руслан впился взглядом в ее спину. Будто боялся выпустить из виду хоть на секунду.

Перед тем, как сегодня днем я ненадолго оставила Комарову, она заверила меня, что не будет портить мою работу, пытаясь в точности прозреть какую-либо грядущую опасность.

– Тем более что это ненужный расход сил, – пояснила она. – У меня ж должны силы оставаться для работы.

Я не стала спрашивать, остались ли у нее силы для сегодняшнего выступления на сцене Дома культуры. Это больше относилось к работе Василисы, а не к моей. Ну, упадет в обморок – ничего, дотащу. Да и Людмила наверняка похлопочет. Она, как и Павел, работала с Комаровой уже года три. А Руслан так и вовсе, по всеобщему утверждению, находился при Василисе Ефимовне «с самого начала». Надо бы уточнить, сколько конкретно.

К слову говоря, я за всю свою карьеру так и не пришла к выводу, кого удобнее охранять – малоподвижных клиентов или тех, кто способен нормально передвигаться сам. Мне доводилось охранять инвалидов-колясочников, или парализованных, или сломавших ногу. Но были среди моих подопечных и трое спортсменов олимпийского уровня. Везде были свои плюсы и минусы, и степень подвижности подопечного была не самым решающим фактором.

Людмила ознакомила меня со сценарием выступления. Пока что оно шло в соответствии с планом.

А вот моя поездка домой прошла не так, как я предполагала.

Для начала Варданян, едва я вышла из машины перед своим подъездом, позвонил и бдително поинтересовался:

– Вы согласились? – отрывисто, нервно, без приветствия. Что было на него непохоже.

– Суреныч, – шутливо откликнулась я, – не паникуйте. Вредно для здоровья.

– Женя, очень прошу...

– Я не его буду охранять, – перебила я, – а его духа-покровителя в лице простой русской женщины. Тотемного зверя.

Варданян как-то нехорошо замолчал. Я отчего-то сразу подумала про инфаркт.

– Черт, – безынтонационно произнес он. – Вот про это я не подумал. Значит, доверил ее вам, эту Василису Премудрую?

– Доверил, – спокойно подтвердила я.

– Убедил, значит?

– Она убедила, – уточнила я.

– Ладно, Евгения Максимовна, – вздохнул Арцах, – отговаривать не буду. Возвращайтесь целой и невредимой. Тут в Тарасове, недалеко от центра, такое быстро открылось с кавказской кухней, а там такой плов... приезжайте – накормлю от пуза за свой счет.

– Заметано, Арцах Суренович.

Но это была самая приятная неожиданность. Дальше эти неожиданности были противные и кусачие.

Нет, сборы прошли быстро и без помех. Но выглянув напоследок в окно кухни, я увидела, как возле моей машины стоит... да, сомнений не было.

Он опять не замаскировался. Что, как я успела понять, у Антона Владиславовича Макова означало повышенный уровень угрозы, особую серьезность намерений.

Он стоял в паре метров от моего «Фольксвагена», прямой, как палка, и неподвижный, как статуя. Стоял, задрав голову, и смотрел на окно моей кухни. На *меня* в окне моей кухни.

Сука. Сталкер хренов.

Когда я вышла из квартиры и, завершив все положенные манипуляции с сигналкой, выглянула в окно на площадке у лифтов, Макова было не видать.

Это означало два варианта: либо он ушел вообще, либо зашел в подъезд. В любом случае мне следовало поторопиться.

Я прислушалась: лифт не поднимался, на лестнице шагов не слышать. Метнулась ко входу на черную лестницу, открыла замок (у меня была копия ключа, чтоб не возиться с отмычками). Заперла за собой и бесшумней кошки быстро двинулась вниз. На первом этаже прислушалась.

Выход с черной лестницы вел к площадке с мусорными баками. Со стороны входа в подъезд меня никто не засек бы.

Вроде чисто. Черт, жаль, у этой двери нет глазка. И даже будь у меня сейчас спецаппаратура, возиться с ней нет времени.

На всякий случай я вылетела из дверного проема максимально быстро и дверь не открыла, а распахнула. И, краем глаза заметив в поле зрения черную тень...

Тело в этот момент сработало само. Через долю секунды Маков лежал лицом в грязный холодный асфальт, с заломленными руками. А я, продолжая придавливать его сверху, с опозданием неприятно осознала: каким-то образом он понял, что я рвану через черный ход.

Хотя – подумаешь, бином Ньютона: не через парадное же выходить, застучав слезку у своей машины.

– Неплохо, – сдавленно просипел он. – Нам бы поговорить, Евгения Максимовна.

– У меня нет времени, – отрезала я. Застал врасплох, ничего не скажешь. Я сейчас и наручники не смогу вытащить, опасаясь хоть на секунду выпустить агента из захвата. Тем более что мои две сумки с необходимым скарбом валялись в полуметре от меня. Недостижимое расстояние в данных обстоятельствах.

– Мне некогда, – повторила я. – И я не хочу проблем, Антон Владиславович. Не надо мне мешать.

– Три минуты, – предложил тот.

– Минута, – еще жестче отрезала я.

Ноги подмерзли. Хоть и не по сезону теплый, а все-таки январь.

– Вы можете работать на нас, – начал он.

– Нет, я уже занята. Вербовать бесполезно. Что вы еще хотели?

Он не пытался высвободиться – значит, воспринял меня всерьез. Уже неплохо. Руки у него были пусты, когда я его скрутила. То ли не успел достать оружие, то ли и не собирался его доставать. Возможно, второе. Агенты из такой организации к нападению готовятся заранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.